

ЭЛЕАНОР РИГБИ

Целая жизнь...

**ПОСЛЕ
ЛЮБВИ
К ТЕБЕ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44
Р49

Печатается с разрешения Penguin Random House Grupo
Editorial, S.A.U. и агентства Nova Littera SIA

Русификация обложки *Елены Лазаревой*

Ригби, Элеанор.

Р49 После любви к тебе / Элеанор Ригби ; [перевод с испанского А. Ф. Романенко]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Романтика летних ночей).

ISBN 978-5-17-167763-3

Готовы ли вы влюбиться?

Для Мадай Айрам был несбыточной мечтой.

Для Айрама она была желанием, которое он однажды хотел бы воплотить в реальность.

За пятнадцать лет дружбы их пути упорно расходились, словно их история была обречена на провал. Но, несмотря на обиду и разделявшее расстояние, каждый раз, когда встречались, они словно возвращались в прошлое. Прошлое, где все могло случиться. Прошлое, которое они оба помнят так живо.

Он просто хочет забыть.

Ей нужно двигаться дальше.

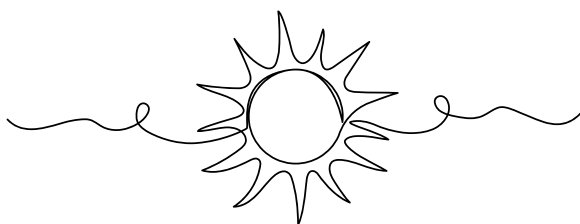
**УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44**

**Copyright © 2022, Eleanor Rigby
© 2022, Penguin Random House
Grupo Editorial, S. A. U.**

**© А. Романенко, перевод
на русский язык**

**© Оформление. ООО «Издательство
АСТ», 2026**

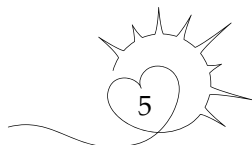
ISBN 978-5-17-167763-3

ПРОЛОГ МАДАЙ

Тенерифе

Влюбиться — то же самое, что сойти с ума. Именно поэтому, когда влюблен, твоя любовь мерещится тебе, где бы ты ни был. Тебе кажется, что ты с ним сталкиваешься на улице по дороге в лучшее итальянское кафе-мороженое (Papina Cioccolato, все остальное — несъедобно), и только потому, что на одном из попавшихся туристов надеты те же бермуды с изображением Кена, которые, кроме Того самого, никто бы никогда не надел. И все это совершенно иронично, потому что Тот самый ненавидит бермуды, ненавидит Кена, а в первую очередь ненавидит туристов, и в этом совершенно прав. Тебе кажется, что группа Cruz Safuné написала свой последний сингл, имея в виду несомненно Того самого, или еще хуже — что они украли вашу с Тем самым историю любви, чтобы обогатиться за твой счет и получить премию «Грэмми», и ничего, что пока никаких премий они не получали. Так что ты ненавидишь эту песню, но слушаешь ее раз за разом до тех

пор, пока тебя не начинает реально тошнить от нее. Тебе кажется, что Тот самый постоянно стоит за твоей спиной и шепчет тебе на ушко, как бы ему хотелось немедленно сорвать с тебя эту полосатую рубашку, и что будто он знает, что ты так часто носишь ее только потому, что именно в этой рубашке он в последний раз поцеловал тебя, и поэтому у этой одежды появились магические способности. Пока ты в этой рубашке, все получается так, как ты хочешь.

Когда ты влюблен, ты веришь во всю эту чепуху, и на одно мгновение в жизнь возвращается смысл. Но это лишь самообман, потому что Того самого больше нет рядом. И он никогда не вернется.

Как бы то ни было, именно так все и происходит. Я вполне серьезно просиживала сеансы в кино с замирающим сердцем, уверенная, что Тот самый сидит на ряду передо мной, и только потому, что у чувака слева был похожий смех. Или же любой смех будет казаться мне похожим, потому что я хочу услышать Тот самый смех? Но дело в том, что, помимо моего воображения, раньше он действительно всегда физически присутствовал в каждом мгновении моей жизни. Как мне не представлять его повсюду, если раньше мы порознь даже за угол не заворачивали?

Сейчас это все уже в прошлом, и жизнь доходчиво доказала, что даже самые въевшиеся привычки могут разрушаться, а у пылких обещаний восьмилетних детей есть срок годности — и сейчас мне только кажется, что я его вижу, а на самом деле его нигде нет. Я считала, что эта оптическая иллюзия или клинический делирий случаются только со мной. Но нет — Дасиль только что сня-

ла с полки единственную книгу, в которой была частичка моих воспоминаний, так что сейчас мы видим Того самого вместе.

— А это что? — спрашивает она, держа зате-
рявшуюся среди страниц бумажку между указа-
тельным и безымянным пальцем.

Меня пугает, что она испортит бумажку сво-
ими огромными гелевыми ногтями, поэтому
я встаю на цыпочки и пытаюсь отнять ее. Но
терплю поражение. И не особенно настаиваю,
потому что в борьбе против Дасиль единственное
мудрое решение — вовремя сдаться.

И потому что я устала делать вид, что не ду-
маю о Том самом двадцать четыре часа в сутки.

— Обычная глупость, Да. Я сто лет назад это
написала, когда мне исполнилось то ли семна-
дцать, то ли восемнадцать лет.

Дасиль не обращает на меня внимания и при-
нимается читать. В середине записки брови у нее
взлетают к самым волосам, и это при том, что
африканские косички растягивают ей кожу лба
вверх. Ее мама всегда шутит, что к пятидесяти
годам ей не нужны будут подтяжки, и с изяще-
ством вооруженного шерстяными перчатками
проктолога добавляет, что ее лоб можно было бы
арендовать в качестве площадки для вертолетов.

Мама Химена — само обаяние. Когда хочет.

— «Причины, по которым я считаю, что Айрам
любит меня», — читает она вслух, фыркая, чтобы
не рассмеяться. Но смех ее, хотя и пронзительный
на редкость, наполнен нежностью, как будто от
самой мысли о маленькой, наивной Мадай у нее
просыпается материнский инстинкт. Она пока-
зывает это, надувая щеки. — Слушай, какая пре-
лесть! Правда, что ли?

К этому моменту мое лицо уже красное, как сигнал светофора, и таким, видимо, и остается, потому что Дасиль падает на мою узкую постель и победоносно смеется, как когда мы школьницами заполняли тесты в журнале Super Pop.

Но она все же улавливает мою неловкость, и так я впервые в жизни узнаю о наличии у нее шестого чувства. Выглядывая из-за исписанного листа, она хмурится.

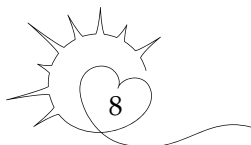
— Я уже поняла, что мой брат — это тема запрещенная, еще хуже твоей игры на пианино. Но мне кажется, вот он — отличный знак, чтобы ты мне наконец рассказала, как развивался ваш секретный роман. Думаю, после того, как я год была втянута в нечто между вами, я заслужила.

— Ты была втянута, потому что сама захотела, дорогуша, а не потому что я тебя пригласила.

— Не хватало еще, чтобы ты меня позвала на свой безутешный фест. — Она строго осматривает меня с ног до головы. — Сказать честно? Тебе не мешает моральная поддержка. Ты уже три месяца не подкрашиваешь корни и выглядишь как сомалийский ребенок с желудком, полным глистов.

— Господи, Да... — Я поднимаю глаза к небу, потому что давно привыкла к ее острому языку и ничему не удивляюсь. — Не нашлось метафоры поприятнее?

— Наличие глистов в желудках сомалийских детей — научный факт, это объясняется плохим питанием и нездоровой обстановкой некоторых регионов, — защищается она тут же, возмущаясь, как и всегда, когда появляется хотя бы минимальный намек, что она неправа. — Это сравнение не уязвляет сомалийских детей, наоборот, оно

направлено на европейцев и америкосов, которые эксплуатируют их ресурсы ради собственного обогащения, что приводит к обнищанию коренного населения. — Она заканчивает свою антикапиталистическую речь и переводит дух. — Я о том, что ты выглядишь как анорексичка.

— Почему бы тебе просто не сказать, что я похудела? Тебя за такие слова отменяют в Twitter¹. — Я с трудом сдерживаю смех.

— Ах, какая страшная угроза. Ну ок, давай я тогда заткнусь, а говорить будешь ты. Идет? Начни с того, когда ты это написала, потому что наверняка в записочках Айрама нашлось что-то, от чего над твоей башкой загорелась лампочка и ты подумала: «О, великая тефтелька! — Она драматически возносит руки к небу. — Кто-то ведь может и любить тебя! Кто-то, у кого есть глаза, которые умеют тебя видеть, и два уха, чтобы суметь тебя слушать, и две руки, чтобы тебя трогать! Да как такое возможно?»

Я смеюсь ее сарказму, хотя в глубине души ни одной из нас не смешно от того, как плохо она обо мне думает. Но она права: что-то в «записочках Айрама» было.

Я сажусь на край кровати и протягиваю руку за бумажкой из прошлого. Дасиль отдает ее и усаживается поудобнее, смотря на меня с тем же любопытством, что ребенок во время первого визита в зоопарк.

Это и есть то, за что я люблю Да. Мир еще не потерял способности удивлять ее, вдохновлять ее.

¹ Здесь и далее: деятельность метаплатформы Meta Platforms Inc. и ее соцсетей Facebook и Instagram запрещена на территории РФ.

Даже я, хотя мы с нею знаем друг друга от корки до корки, еще могу чем-то удивить ее.

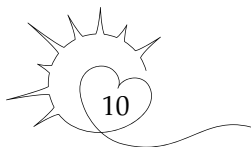
— Знала бы ты, сколько мне это принесло проблем, — фыркаю я. Аккуратно складываю листочек и глубоко вздыхаю. Смотреть, что я написала, мне не хочется так же, как всегда не хотелось прямо посмотреть на то, что я хочу, и на дорогу достижения своих желаний. — История с Айрамом начинается не здесь. Здесь начались трудности, а это совсем другое.

Дасиль недовольно щурится.

— Если ты начнешь мне рассказывать, что вы с Айрамом родились в один день и в один год, что познакомились случайно, когда мой отец купил домик на этой же улице и захотел перевести туда все хозяйство, а подружился, когда повздорили из-за того, кому ухаживать за бездомной собакой, которую вам обоим захотелось взять себе, — так я все это давно знаю. — Она нетерпеливо машет рукой, потому что, понятное дело, Дасиль не понять, что для меня та дворняжка, которая соединила нас с Айрамом, настолько же священна, насколько для нее священна распродажа рюкзаков в Меркадоне. — Переходи сразу к вкусенькому. Когда ты поняла, что Айрам может быть влюблен в тебя? И почему я сама не поняла этого, хотя моя соображалка работает значительно лучше твоей?

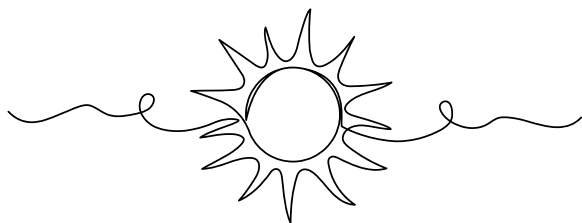
— А вот этого я не знаю, — вздыхаю я, — потому что все всегда было более чем очевидно.

— Ой да прям, Мадай! — не соглашается Дасиль, снова закатывая глаза. — Не так уж и очевидно, если даже ты сама не догадывалась. Или просто не хотела догадываться? — щурится она подозрительно.

Я не отвечаю сразу и набираю побольше воздуха в грудь. Мне не нужно делать усилие, чтобы вспомнить. Нужно только набраться смелости, чтобы ввести в курс дела человека с самой большой в мире любовью к осуждению — по чистому совпадению, мою лучшую подругу — и рассказать о моих самых неудачных решениях и самых больших ошибках, которые я скрыла от нее именно потому, что не хотела, чтобы она смотрела на меня так, как сейчас смотрит.

А как еще ей на меня смотреть? То, что я никогда не хотела отдавать себе отчета, что Айрам любит меня, было правдой. А сейчас уже слишком поздно.

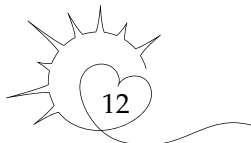
ПРОЛОГ АЙРАМА

— Мужик, ну когда ты распакуешь эту коробку? Я уже в пятый раз спотыкаюсь об нее, и это начинает бесить. После шестого раза при-
творяюсь, что раскроил себе череп.

Я даже взгляда от экрана не отрываю. Любая невнимательность может мне слишком дорого стоить. В любой момент с первого плана может выскочить зомби, чтобы со мной покончить, а я не согласен помирать сейчас, когда дошел до одного из последних уровней.

— Тебе же не делают замечаний, когда ты по всему дому разбрасываешь свои русские книжки. А они как раз реально бесят. В этом доме больше пьес Чайковского, чем крошек, которые оставил за собой в лесу мальчик-с-пальчик.

Я ставлю игру на паузу только для того, чтобы увидеть гримасу уязвленного сноба, которую, несомненно, скорчит Тиаго, услышав, что Чайковского называют драматургом. Я уже почти слышу его заносчивый ответ: «Чайковский — композитор “Лебединого озера”, а не писатель!»

Он так и потирает лодыжку, ушибленную при столкновении с загадочной коробкой для переезда. В другой руке у него неприменная миска с тенерифским мороженым. Я привез с собой солидный запас, перевез в самолете в мини-холодильнике, с единственной целью: чтобы это мороженое напомнило ему о моей сестре. Понятное дело, это не жест доброй воли, а призыв: «Страдай, придурок, раз ты потерял ее».

Тиаго теперь не отпускает из рук миску с тенерифским мороженым, словно это урна с прахом Дасиль. Сейчас он пожирает уже четвертую порцию.

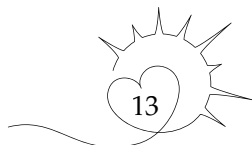
— Чайковский — композитор «Лебединого озера», а не писатель, — произносит он тем же усталым тоном, который появляется у него, когда он чувствует себя непонятым. Я позволяю ему почувствовать себя самым умным, потому что мне нравится, когда он доволен — несмотря на то, что умный в этом доме, несомненно, я. — И насколько мне известно, мои книги тебе не нанесли ни малейшей травмы. В любом случае мы не обо мне говорим, со мной давно все понятно.

Я закатываю глаза.

— Сообщай об этом так же гордо, и о тебе напишут в газете.

Я отворачиваюсь к экрану и опускаю босые ступни на смехотворное подобие журнального столика, который был нам представлен как образчик дизайна в стиле постмодерн и который, как и вся остальная мебель нашей студенческой квартиры, прекрасно бы украсил помойку.

— Ну ладно, Айрам, серьезно. Убери эту коробку, окей? — настаивает Тиаго, все больше хмурясь.

Обычно с ним проще. Он прекрасно знает, что у меня бывают грустные дни, и ведет себя соответственно. Ходит вокруг на цыпочках и сообщает в мессенджере, что оставил для меня в кастрюле макароны.

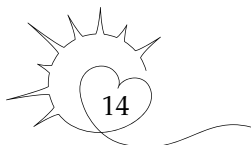
Сегодня, видимо, он пока не понял, что я не в настроении шутить

— Хорошо, я уберу эту коробку, как только ты станешь опускать крышку унитаза, перестанешь оставлять пятна зубной пасты в раковине каждый раз, как чистишь зубы, начнешь выносить мусор в оговоренное время вместо того, чтобы делегировать это дело мне только потому, что «ты уже в кровати», и прекратишь наконец поднимать меня с дивана по срочному поводу, который оказывается просто тем, что тебе нужно погасить свет в спальне.

Хуже всего, что эту привычку он перенял у Дасиль. Не знаю, как я раньше не сообразил, что он настолько примечал все привычки моей сестры, какими бы незначительными они ни были, и что он все их запомнил и теперь бессознательно воспроизводит.

В защиту Тиаго могу сказать, что его комната совсем рядом с моей и мне нужно сделать только семь шагов, чтобы потушить ему свет. А в случае с Дасиль мне нужно было спускаться на нижний этаж по убийственной лестнице, и она всегда меня пугала, потому что громко кричала и звала, как будто истекала кровью. А потом приходилось еще подниматься два этажа обратно к себе в спальню только потому, что девчонке было лень вытащить задницу из постели и погрузить свою комнату в темноту. Меня всегда это бесило.

Что только не сделаешь ради любви.

— Не рано ли ты жалуешься, — ворчит Тиаго. — Все это я уже пять лет делаю, а ты ни разу не возражал.

— Наверное, мое терпение закончилось и теперь я говорю, что думаю, — отрезаю я, с преувеличенной силой терзая кнопки игрового пульта.

Я не только позволяю себе огрызаться, когда меня разозлят; я еще и непобедим в Call of Duty. Или, в интерпретации моей матери, когда она впервые отправилась покупать мне эту игру в компьютерный магазин, «Карлос Дути». Дело в моем отвратительном произношении, понятно, потому что у нее-то уровень английского C1, как и положено тем, кто участвует в разных сериалах на Netflix.

— Тогда не надо на мне срываться. Реальных поводов у тебя нет. — Я бросаю в него предупреждающий взгляд, и он, урожденный гений, мигом его улавливает. Утомленно вздыхает. — Я просто хочу сказать, что меня удивляет, что при твоей степени ответственности эта коробка все еще тусит тут. Мы едва прилетели с Тенерифе, и ты развесил всю свою одежду в шкафу и отнес картонные коробки в пункт раздельного сбора мусора. А что в этой коробке такого, что она до сих пор посреди коридора?

— Возможно, в ней хранится все зло мира, как в ящике Пандоры, — загадочно произношу я, двигая бровями.

— Тогда тем более нужно от нее избавиться! Думаю, что ни ты, ни я больше не вынесем ни одного удара злой судьбы.

В этом он прав. В квартире Б на втором этаже нашего здания живут два лучших друга трагедий.

